

Родиться во времена той династии было благословением или несчастьем? Никто не знает.

Многие считали, что им повезло. Особенно высокопоставленные чиновники, пережившие императоров Инцзуна с Сяньцзуном. Каждый раз, вознося молитвы Небесам, они готовы были триста земных поклонов отбить, благодаря предков династии за то, что те послали им такого хорошего, не сумасбродного императора.

Да, не сумасбродного.

После восшествия на престол Сяньцзуна требования к императорам стали очень низкими: не сумасбродничает, и то ладно.

С какой стороны ни глянь, нынешний император Хунчжи был настоящим подарком, а не просто “не сумасбродным”.

К примеру, он усердно занимался государственными делами.

Не только присутствовал на заседаниях Большого и Малого Дворов, но и возобновил давно забытую традицию проводить императорские лекции. Поначалу чиновники радовались такому усердию императора, однако затем поняли, что тот уж как-то слишком усерден и здоровьем похвастать не может. С рождения хворый, он то и дело болел. Опасаясь, что от переутомления единственный толковый император, которого все так долго ждали, умрет молодым, они поспешили убедить его уделять больше внимания своему здоровью и поменьше нервничать. “Какие императорские лекции? Даже на заседаниях Двора не обязательно на всех присутствовать! Ваши усилия мы, ваши верные подданные, видим и ценим. Лучше ради народа Поднебесной позаботьтесь о своем драгоценном здоровье!”

Заявление это было странным и даже нелепым.

Во времена Чэнхуа чиновники не могли заставить императора работать, а теперь со слезами на глазах умоляли императора не работать слишком усердно.

И коли уж другие чиновники вели себя так, то Тан Фань с остальными министрами и подавно. Они находились подле императора денно и нощно, и своими собственными глазами видели, как он из хрупкого подростка превращается в настоящего Сына Неба. Чувства их к нему были особенными, о здоровье императора они знали лучше, чем кто бы то ни было, и уж точно не желали, чтобы справедливый, миролюбивый, добрый и кроткий Сын Неба, которого Великая Мин заполучила в свои правители с таким трудом, исчез, как падающая звезда.

К счастью, император прислушался к уговорам Тан Фаня и постепенно изменил свой образ жизни. По настоянию Тан Фаня императорские врачи осматривали его каждые три дня. Пусть здоровье и оставляло желать лучшего, серьезно болеть из-за переутомлений он перестал.

Еще один пример. Из-за пережитого в детстве Сын Неба должен был стать покорным и нерешительным или, напротив, страшным и кровожадным тираном, однако благодаря мягкому от рождения характеру, прекрасным учителям и огромному количеству окружавших его хороших людей, на кривую дорожку император Хунчжи не ступил.

В глазах чиновников он, впрочем, был слабохарактерен. В основном потому, что у Сына Неба была лишь одна жена – императрица. Женщиной та была энергичной, ревливой и держала его

в ежовых рукавицах: у императора не то что наложниц, даже любимых дворцовых служанок не было – в народе таких звали подкаблучниками. Одно дело, когда подкаблучник – человек простой: это дело семейное. Но другое дело, когда подкаблучник и однолюб – Сын Неба. Где это видано! Где это слыхано!

Кроме того, пусть император по восшествии на престол и изгнал всех даосских монахов и евнухов, служивших прошлому императору, вскоре сам начал верить в даосскую алхимию. В отличие от отца, делами из-за своего пристрастия не пренебрегал, но холодным потом чиновников пообливаться заставил.

За исключением этих маленьких недостатков, придаться к императору было не в чем.

Возможно, он был не столь мудр и деятелен, как император-основатель, решения по важным политическим вопросам принимал все же вдумчиво, да и жестокостью императора-основателя не обладал.

К подданным, особенно к приближенным высокопоставленным чиновникам, относился с мягкостью и вниманием.

Прежде министрам Кабинета, вроде Тан Фаня, приходилось в одиночестве возвращаться домой со службы. А порой из-за большого количества работы и по темноте. Высокопоставленных чиновников могли встретить слуги, а вот небогатые добирались самостоятельно. Узнав об этом, император велел выделить им дворцовой стражи, которая должна была каждый день провожать задержавшихся на службе чиновников домой.

А еще император-основатель считал, что чиновникам, как вьючным ослам, отдых не нужен, а потому свел количество выходных, установленных во времена династий Тан и Сун, к минимуму. А дабы сделать их жизнь еще более невыносимой, к тому же и количество льгот сократил. Во времена Хунчжи же, благодаря смягчению морского запрета, доходы государственной казны возросли, и император велел выплачивать чиновникам во время праздников премии, а тем, чей ранг был выше третьего, ко всему прочему еще и мясо с фруктами дарил. Провинциальным чиновникам премии тоже полагались, но не такие щедрые, как столичным. Кстати, именно поэтому чиновники и перестали позже выступать против отмены морского запрета: по сравнению с улучшением качества жизни необходимость соблюдения закона предков была и не так уж важна.

Такой император, как он, усердно занимался государственными делами, обладал покладистым характером, прислушивался к чужим советам и, что самое важное, не делал вид, будто сведущ в том, в чем на самом деле не разбирается, не творил произвол, соглашался с единогласным решением Кабинета и уважал мнение старейшин, так что все надеялись, что правление его будет долгим.

По правилам той династии существовало лишь три официальных выходных: Новый Год, День Зимнего солнцестояния и Праздник фонарей. Такие праздники, как середина осени, двойная девятка и другие в число нерабочих дней не входили, если только находящийся у власти император милостиво не назначал своим подданным дополнительные выходные. Однако нынешний Сын Неба, чуткий к тяжелой работе чиновников, а особенно к членам Кабинета Министров, которые проводили во дворце каждый день и даже ужинали в павильоне Вэньюань, добавил в календарь еще несколько выходных, выделив на праздник середины осени три

дополнительных дня отдыха, чтобы чиновники могли отпраздновать его вместе со своими семьями.

А потому этот праздник середины осени Тан Фаню не пришлось проводить в Кабинете, глядя на недовольные лица Лю Цзяня и прочих коллег. Вместо этого он смог пойти домой, полюбоваться луной и полакомиться юэбинами.

А Дун уже больше года как вышла замуж, а старшая сестра Тан Юй жила своей жизнью: она только что родила дочь и еще восстанавливалась после родов, так что Тан Фань не стал ее беспокоить. Вынеся юэбины с несколькими закусками и засахаренными фруктами во двор своего дома, он пил вино, любовался луной вместе с Суй Чжоу и болтал с ним по душам, свободный и беззаботный.

Юэбины были четырех разных цветов, с четырьмя видами начинки: машем, красной фасолью, свежим мясом и смесью из пяти орехов и семян. Все они были дворцовым подарком. Прежде такого не случалось: ни один император не угощал юэбинами своих подданных. В этом же году все в Кабинете, включая Тан Фаня, получили по коробке – хоть что-то новенькое.

По правде говоря, дворцовые юэбины были не самыми вкусными, однако забота императора была приятна. Для Сына Неба это был пустяк, однако покойный император даже заседания Двора не посещал – куда там до сближающих подарков подданным?

Сердца людей мягки, с желанием свергнуть императора никто не рождается. Если Сын Неба нежен и внимателен, то и подданные в своих советах будут к нему более лояльны и свободы чуть больше дадут – обе стороны останутся в плюсе. Если так посмотреть, нынешний император был весьма мудр.

Суй Чжоу попробовал один юэбин, а после отложил и больше к ним не прикасался.

— По вкусу, конечно, с твоими не сравнятся, но прежде юэбинов вообще не было, – рассмеялся Тан Фань, заметив это. – В этом году впервые.

— Юэбины – вещь второстепенная, – отозвался Суй Чжоу. – Главное, что мы с тобой проведем праздник середины осени вместе, в тишине, как и сегодняшний вечер.

Тан Фань молча улыбнулся.

Сердца их бились в унисон, и многие вещи были понятны без слов.

Луна сегодня была особенно большой и полной.

Для всех: и для богатых, как император, и для бедняков, живущих в соломенных хижинах – она светила одинаково.

Любовное томление, которое испытываешь, любясь на луну, подобно тому, что чувствуешь, глядя на человека.

Скольким людям, разделенным тысячами ли, и за всю жизнь встретиться не удастся? В мире слишком много “если”. Даже если встретятся, могут и не познакомиться. А если познакомятся, могут не подружиться. А если подружатся, спутниками по жизни могут и не стать. Разлука,

смерть, разные взгляды на мир – в жизни так много переменных, которых не изменить.

Так как же ему повезло! Должно быть, в прошлой жизни он совершил немало хорошего, раз встретил Суй Чжоу.

От одной мысли об этом улыбка в уголках губ Тан Фаня стала еще шире.

Заметив это, Суй Чжоу протянул руку и ущипнул его за щеку:

— Чего улыбаешься?

Тан Фань хотел было вырваться, но не смог. Одну его щеку оттянули в сторону.

— ...Эй!

Суй Чжоу отпустил его:

— Ты выглядел неважно, когда вернулся. Проблемы в Кабинете?

Улыбка исчезла с лица Тан Фаня.

— Хэ Линь мертв, – немного помолчав, ответил он.

Послесловие автора:

Ожидается еще около 2 экстр, обратный отсчет пошел...

Примечания переводчика:

На самом деле, не 2, а 4...

Хэ Линь – это бывший Тан Юй.

Юэбины – это что-то типо печатных пряников-пирожков с разными видами начинки. Правда, чаще всего все-таки сладкой.

“Должно быть, в прошлой жизни он совершил немало хорошего”, так что Небеса решили: “Хорошенького понемножку”, и послали ему Суй Чжоу)))

Эти рассуждения Тан Фаня меня насмешили. “У меня есть мужик! Мужичок! Какой-никакой, зато свой! У других и такого нет! Как мне повезло!”

Ну хоть выходных ТФ больше дали. Что-то хорошее)

<http://tl.rulate.ru/book/50212/4337845>